

ЭКСПЕРТНЫЙ ВЗГЛЯД

Апрель 2023 г.

Резюме

- **ИЗ СТРАНЫ УЕХАЛО ОКОЛО 1% НАСЕЛЕНИЯ**

За последние два года из Беларуси эмигрировали около 100 тысяч человек. Только в Польшу с 2020 года уехали от 50 до 100 тысяч белорусов. К политическим причинам релокации добавились экономические. Миграция влияет на экономику уже сегодня, приводя к потерям ВВП как минимум на 0.5 п.п. Она сказывается на рождаемости и повышает риски для пенсионной системы. Тенденция оттока белорусов продолжится: о готовности уехать в течение года заявляют более 2% опрошенных горожан. При сохранении этого тренда через десять лет страна будет более постаревший и гораздо более бедной, чем могла быть.

- **БЕЛАРУСЬ АКТИВНО ТЕРЯЕТ МАЛЫЙ И МИКРОБИЗНЕС**

За полгода число малых компаний в Беларуси снизилось на 2%, средних – на 1%. Если эта скорость сохранится, то ситуация может стать катастрофической. В Польше более трети всех компаний с белорусским капиталом было зарегистрировано в прошлом году. Только IT-компании создали в этой стране десятки тысяч рабочих мест. В 2023 году скорость открытия новых компаний белорусами в этой стране, скорее всего, сохранится на уровне прошлого года. В течение трех-четырех лет Беларусь может потерять до четверти МСП. Чем дольше продолжается текущая ситуация с оттоком бизнеса, тем сильнее подрываются перспективы белорусской экономики.

- **ДЕСТРУКЦИЯ БЕЛАРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ЯВНОЙ**

Благодаря поддержке России и некоторому везению белорусская экономика избежала самого негативного сценария развития, который виделся возможным сразу после начала войны в Украине. Вместо этого она пошла по сценарию медленного погружения в омут. С точки зрения перспектив развития все более явным видится состояние упадка: усиливается зависимость от России, идет отмежевание от развитого мира и передовых технологий, происходит архаизация бизнес-среды. На фоне этого более чем сомнительным успехом будет даже самый оптимистичный сценарий на 2023 год, при котором ВВП вырастет примерно на 3%.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ СЕГОДНЯ И В БУДУЩЕМ

Катерина Борнукова, академический директор, приглашенный профессор университета Карлоса III в Мадриде

Масштабы миграции: уехало около 1% населения

Оценить масштабы волны миграции последних лет из Беларуси довольно сложно. Есть прямые данные – это статистика других стран о том, сколько белорусов получили вид на жительство или национальные визы. Есть косвенные данные, например, картина по рынку труда в Беларуси. Исходя из них можно точно утверждать, что речь идет о десятках тысяч человек. По данным на 30 июня прошлого года, 52.3 тысячи белорусов в Польше **имели** ВНЖ или другой документ, дающий право на проживание. 15.3 тысячи имели другой документ, который дает право на пребывание в этой стране. Всего на тот момент в этой стране проживали не меньше 75–80 тысяч белорусов. Заново трудоустроенных граждан нашей страны за последний год там было больше 15 тысяч. Учитывая, что значительное количество еще не нашли работу либо не оформились, можно смело утверждать, что за последний год туда выехали от 30 до 50 тысяч человек.

Еще один косвенный признак – количество белорусских детей в польских школах. В начале учебного года их **было** 24.3 тысячи, а спустя четыре месяца – уже 26 тысяч. Прошлый учебный год в этой стране начинали 15 тысяч белорусских детей, то есть на 11 тысяч меньше.

По некоторым **данным**, за прошлый год количество белорусских имен в польском реестре PESEL увеличилось на 103 тысячи человек. В совокупности все эти данные говорят о том, что после 2020-го в Польшу выехало от 50 до 100 тысяч белорусов.

В Литве на начало 2023 года **проживали** 48.8 тысячи граждан нашей страны. За последний год в эту страну приехали 20–25 тысяч белорусов.

У нас нет данных по миграции в такие страны, как Грузия, Турция, а также многие другие государства Евросоюза. По каждой из них цифры будут небольшими, например, в Испании документы, дающие право на проживание, получили около 1.5 тысячи человек. Тем не менее, если собрать данные по всем странам, куда уезжали наши сограждане, то число приблизится к 100 тысяч за последние два года.

Примерно такой масштаб миграции косвенно подтверждает статистика занятости в Беларуси. В феврале этого года занятых в экономике было 4.172 млн человек. Это на 112 тысяч меньше, чем в 2021 году. Частично это сокращение объясняется старением населения и выходом части людей на пенсию, но оказывает влияние и отъезд. Например, в IT занятость сократилась больше чем на 17 тысяч за последний год. Эти люди точно не вышли на пенсию.

Скорее всего, в ближайшей перспективе процесс переезда в другие страны продолжится. Недавний **опрос** BEROC показал, что 2.2% взрослого населения собираются уехать в течение года. 9.3% говорят, что готовы уехать, но не знают когда. Похожие результаты показал государственный **опрос** (там данные подают под соусом, что 86.5% белорусов не думает никуда уезжать). Понятно, что намерение не всегда преобразуется в действие, тем не менее, если так случится, то это станет большой проблемой.

Что толкает белорусов переезжать в другие страны

В 2020–2021 годах на первом месте стояли политические причины. В 2022 году к ним добавились экономические. К людям, которые боялись преследования, прибавились те же айтишники, которые релоцировались вслед за своими компаниями, потому что Беларусь стала прямым пособником российской агрессии. В этом случае можно говорить о миксе политических и экономических причин. Некоторые релоцировались полностью и закрывали фирмы в Беларуси. В первую очередь это коснулось продуктовых компаний, для которых имидж имеет большое значение. Другие не делали таких резких движений, но все равно релоцировали работников, желающих уехать, одновременно переставая нанимать внутри Беларуси.

Политические причины никуда не исчезли: уровень репрессий остается достаточно высоким. Одновременно усиливаются экономические причины – многим понятно, что радужных перспектив у белорусской экономики нет. По этой же причине активно будет уезжать молодежь, выбирая для поступления зарубежные вузы. Ведь даже IT-отрасль, в которой люди видели перспективы для талантливых молодых людей, больше не выглядит такой привлекательной. А политические призывы наподобие предложения отправлять студентов в армию еще больше их подстегнут.

Уезжают не только айтишники. Мы четко видим недостаток врачей. Он был давно, но в последние годы проблема усугубилась. Связано это в том числе с политическим давлением на медиков. В принципе, любые узкие специалисты с востребованными компетенциями на международном рынке знают, что найдут себя в другой стране, значит, у них больше возможностей для переезда, учитывая, что часто при этом они повышают свой уровень заработка. В недавнем **опросе** бизнеса 41% респондентов сказали, что из-за миграции начало не хватать специалистов. 15% отметили нехватку менеджеров и управляющих. Впрочем, это опять же не значит, что уезжают только ценные специалисты и менеджеры. Нередко они релоцируются из-за политических причин, а по экономическим в первую очередь уезжают низкоквалифицированные специалисты.

Миграция ухудшает перспективы будущего экономики

Как мы определили, масштаб миграции можно оценить примерно в 100 тысяч человек. Это чуть больше

1% населения Беларуси. Казалось бы, не так много. Но, во-первых, мы не знаем, как долго этот процесс будет продолжаться. Если терять по 1% в год, то за десять лет из страны уедет каждый десятый ее житель или 920 тысяч человек.

Во-вторых, есть статистика Белстата, согласно которой за 2022 год население Беларуси сократилось на 55 тысяч человек. Эта статистика не включает незарегистрированную миграцию, но учитывает рождаемость – и мы видим, что последняя серьезно снижается. Отчасти это тоже связано с миграцией, потому что уезжают в основном люди в возрасте 25-45 лет. Это тот возраст, когда создают семьи и рожают детей. Следовательно, их отъезд уже сейчас отрицательно сказывается на демографии. При этом некоторые люди, которые остаются в стране, откладывают рождаемость, потому что последние три года выдались не самыми удачными. Отложенная рождаемость означает, что частично она уже не восстановится. Следовательно, это явление будет иметь долгосрочные последствия.

Важный момент заключается в том, что отъезд 30-40 тысяч экономически активного населения – это минус 1% занятых. То есть миграция влияет на экономику уже сегодня, приводя к потерям ВВП как минимум на 0.5 п.п. К тому же она накладывается на старение населения. В связи с чем возникает вопрос: кто будет платить пенсии людям, которые достигают пенсионного возраста.

В долгосрочном периоде сохранение высокой миграции приведет к тому, что Беларусь все больше будет отставать по экономическому развитию от Литвы, Польши. При сохранении этого тренда через десять лет страна будет более постаревшей и гораздо более бедной, чем она могла быть при отсутствии этой волны миграции.

Если попытаться найти позитивные моменты, то можно сказать, что в прошлом году, несмотря на снижение занятости, в Беларуси не выросла безработица. Но это не такой уж существенный вопрос, ведь рынок труда гибкий: сегодня безработица выше, а завтра экономика начнет восстанавливаться – и она начнет снижаться. А из-за миграции возникает дефицит кадров.

Проблема миграционного процесса еще и в том, что он по цепочке затрагивает все больше людей. Вслед за политической миграцией начала расти экономическая среди менее квалифицированных работников. А за ними могут последовать и высококвалифицированные кадры, которые не думали о переезде, потому что внутривнутриполитическая ситуация их не беспокоила. Но когда внутри Беларуси перестают создаваться новые возможности, увеличивается вероятность, что они поедут развиваться и строить карьеру в другие страны.

Для перспектив будущего большое значение имеет время. Опросы, которые проводятся среди белорусской диаспоры, показывают, что у тех, кто уехал еще в 2020 году, желание вернуться уже ниже, чем у тех, кто выехал в 2021-2022 годах. Люди адаптируются, привыкают к новой жизни, организовывать свой быт. Чем больше времени пройдет, тем тяжелее будет вернуть этих людей. В то же время белорусы, которые эмигрировали по политическим причинам, с большей вероятностью вернутся, если появится окно возможностей. Очевидно, что они попали под политические репрессии по причине своей пассионарности, потому что им не все равно, что происходит в Беларуси. Но фактор времени нельзя исключать и в этом случае.

Говоря о репатриации – если она станет возможной в обозримом будущем – экономическая ситуация Беларуси к тому моменту вряд ли будет лучше, чем сейчас, а скорее всего хуже. Это тоже будет влиять на перспективы возвращения уехавших. С другой стороны, если мы говорим о появлении возможности вернуться для политэмигрантов, это означает ситуацию, когда как минимум часть санкций будет сниматься. Это моментально произведет положительный эффект на экономику. В случае одновременного снятия санкций и репатриации активной части уехавших можно будет ждать бума экономики, благодаря которому благосклонно посмотреть в сторону Беларуси могут и экономические мигранты. Но это будет зависеть от того, какие у людей к тому времени сохранятся связи со страной.

БЕЛАРУССКИЙ БИЗНЕС ЗА ГРАНИЦЕЙ

Масштабы развития белорусского бизнеса за границей

Как и масштабы миграции, довольно сложно оценить количество компаний с белорусским капиталом, ре-лоцировавшиеся и открывшиеся в последние годы за границей. Полноценных исследований, дающих полное представление об этом процессе, не проводилось. Но примерную картину можно увидеть по статистическим данным и отдельным исследованиям. Абсолютный лидер по географии открытия белорусского бизнеса – Польша. Далее идут страны, в которые приезжает в разы меньше белорусских компаний, среди них можно выделить Литву и Грузию. До войны сюда же входила Украина. До 2022 года была еще Россия, но и с ней ситуация изменилась. В следующей когорте можно назвать Кипр, Латвию и Казахстан, а также Эстонию, США, Чехию, Германию.

Говоря о масштабах, с одной стороны, может показаться, что они низкие, но с другой стороны, я бы сказал, что они катастрофически высокие. Что я имею в виду? Одна из главных характеристик релоцирующегося бизнеса – это то, что за границей открываются в первую очередь малые и средние предприятия, а также регистрируются предприниматели. Крупный бизнес – банки, заводы, сети ретейла – не могут так же просто переехать, как небольшие компании. Это явление видно даже в статистике, хоть в последний раз данные обнародовали в середине прошлого года. За первую половину 2022 года численность МСП в Беларуси сократилась более чем на 7.5 тысячи или на 2%. Больше всего просели микроорганизации. Это те, в которых работает до 15 человек. Чуть меньшее проседание было в малых компаниях, где работает до 100 человек. Количество средних компаний за этот же период снизилось на 1%.

В абсолютных числах это выглядит небольшим снижением. Но если у вас за такой короткий период закрывается 57 средних предприятий от 2150, то это очень на самом деле высокий показатель. Кроме того, стоит помнить, что в статистике не учтены фирмы, которые находятся в стадии ликвидации, процесс которой сильно затягивается. Поэтому можно говорить, что масштабы релокации компаний и предпринимателей из Беларуси хоть в абсолютных числах не очень высокий, но скорость, с которой это происходило в прошлом году, указывает на то, что ситуация может стать катастрофической. По данным Белорусского бизнес-центра в Польше, в 2020 году в Польше белорусы открыли 471 новую компанию, в 2021-м – 882, а в 2022-м – 1733. То есть из всех фирм с белорусским капиталом в этой стране, которых насчитывается 4980, 34.8% были зарегистрированы в прошлом году. Ускорение этого процесса происходило и раньше, но не такими масштабами, например, в нулевых количество белорусских компаний

прирастало на 10-20 в год, а после 2010-х – на 100-300. Как видно, в последние годы увеличение было экспоненциальным. Для сравнения, в Литве на конец 2022 года действовали порядка 1230 предприятий, основанных белорусами. Интересно отметить, что инновационные приборостроительные компании чаще выбирали балтийские страны для релокации или расширения.

Но в этой статистике есть одна особенность: часть переехавших в Польшу белорусов имеют польские корни. Если к моменту регистрации своей фирмы они получили паспорта, то их бизнес считается польским и не отражается в статистике бизнеса с зарубежным капиталом. В ней также не учтены предприниматели. С ними тоже ситуация непростая: польские органы не дают точную статистику по их количеству. Мы оцениваем их число в несколько тысяч. Однако не все предприниматели – это люди, работающие на себя. Нередко предпринимательство используется как форма трудоустройства, такой подход популярен у IT-компаний.

Оценивать перспективу 2023 года еще сложнее. Возможно, те, для кого перевод бизнеса в новую юрисдикцию был критичным, уже зарегистрировались в новой стране. В этом случае темпы появления новых компаний с белорусским капиталом немного снизятся, но однозначно не произойдет остановки процесса релокации. Можно с уверенностью говорить о том, что в Польше в этом году появится примерно почти такое же количество новых белорусских компаний, как в прошлом.

Бизнес выбирает релокацию или расширяется?

Формально применительно к многим компаниям, которые открывают белорусы за границей, корректнее использовать термин «расширение», а не «релокация» бизнеса. Полностью релоцировались с ликвидацией фирмы на родине те, кто просто не мог здесь работать, у кого разорвались цепочки поставок, резко выросли репутационные риски. Но в подавляющем большинстве частный малый и средний бизнес не был напрямую затронут санкциями. Если при этом в Беларуси компания приносит прибыль, то нет смысла ее закрывать. В этом случае просто открывают еще одно юрлицо за границей, диверсифицируют портфель. По нашим оценкам, в секторе МСП в 60-70% случаев можно говорить о расширении бизнеса. Это может быть открытие отдела фирмы, создание дочернего предприятия, но в абсолютном большинстве случаев это независимые юридические лица, основанные теми же предпринимателями, которые продолжают работать в секторе, в котором у них есть опыт. По сути, это фирма с тем же видом деятельности, с теми же учредителями, поэтому мы уверенно трактуем это как расширение.

В разделении по отраслям среди белорусских компаний в Польше лидируют оптовая и розничная торговля (26%), транспортные и складские услуги (22%), строительство (16%), информация и коммуникация (9%). В

этом контексте интересно посмотреть на строительство. Часто это маленькие бригады, зарегистрированные в качестве юрлиц. Раньше они могли работать в Беларуси или ездили в Россию, но внутренний рынок сжался, а вместе с ним снизилась и стоимость услуг – заниматься строительством в нашей стране, в ЕАЭС в целом стало невыгодно. Тогда строители переключились на европейский рынок.

На конец прошлого года 296 компаний с белорусским капиталом в Польше занимались деятельностью по компьютерному программированию, то есть это IT-компании. Это при том, что часто фирмы из этой отрасли выбирали для переезда Великобританию, Кипр, США в целях улучшения имиджа в глазах заказчиков. В то же время некоторые IT-гиганты вошли в число лидеров по налоговым выплатам в Литве. Здесь важно понимать, что в целом польские IT-фирмы крупнее литовских, поэтому белорусские там не выходят в лидеры. При этом они в общей сложности создали в Польше десятки тысяч рабочих мест. Топ-20 IT-компаний с белорусскими корнями создали в этой стране 12,5 тысячи рабочих мест.

Ввиду географической близости с Беларусью и некоторых особенностей рынка, Польша гораздо больше привлекает транспортно-логистические компании, чем другие страны. Вполне понятно, почему многие открывались именно в этой стране – она связывает рынки Востока и Запада. В 2022 году по притоку новых компаний этот сектор лидирует.

Ретейл и оптовая торговля тоже отчасти перемещались из-за санкций. В новой стране они продолжают заниматься тем же, ведь у многих сохранились поставщики и клиенты из стран ЕС. Им надо было только адаптироваться под новый рынок.

Компании, оказывающие профессиональные услуги, поехали вслед за своими клиентами. Причем практически все они не релоцировались, а расширились, сохраняя бизнес в Беларуси.

Отдельно я бы выделил производство. Это самый сложный сектор для переезда: перевезти производство в другую страну практически невозможно. Сейчас в Польше работает более 258 производственных компаний, основанных белорусами. Казалось бы, не так много, тем более чаще всего это маленькие предприятия. Однако учитывая сложности, которые они преодолели для релокации или расширения, это довольно значимая цифра. Им пришлось создавать производство на новом месте фактически с нуля: они не перевозили оборудование и в редких случаях релоцировали своих сотрудников.

Влияние на белорусскую экономику

Чем дольше продолжается текущая ситуация с оттоком бизнеса, тем сильнее подрываются перспективы белорусской экономики. В нынешней макроэкономической статистике мы можем и не увидеть значительной разницы. Точнее, мы видим, что количество малых и средних предприятий сократилось

на 2-3%. Но это за полгода. Если этот тренд продолжится, то Беларусь может потерять до четверти МСП на горизонте трех-четырех лет.

Рискну предположить, что отток может замедлиться: основные волны уже случились после 2020 года в связи с внутренним кризисом и в 2022 году из-за военного конфликта. Соответственно, тренд может замедлиться, но, как я говорил, вряд ли сильно. Пока же мы видим, что он продолжается.

Можно сделать шаг назад и вспомнить, что МСП в Беларуси генерируют около четверти ВВП страны. Следовательно, потеря четверти МСП окажет значительное влияние на экономику: снизится ВВП, будут утрачены рабочие места и произойдет снижение реальной заработной платы.

ЭКОНОМИКА БЕЛАРУСИ ЧЕРЕЗ ГОД ПОСЛЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ – СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дмитрий Крук, старший научный сотрудник

В моменте все не так плохо, как могло быть

В белорусской экономике начался восстановительный рост. Но важно понимать, что этот позитив в краткосрочной динамике не отменяет страшных диагнозов на длительном отрезке времени. Основной диагноз: экономика находится в состоянии деструкции, что подрывает ее долгосрочные перспективы. Популярная сейчас оговорка о том, что могло быть хуже, стала важной для эмоционального фона интерпретации состояния экономики. Это можно понять, ведь если в прошлом году виделся возможным сценарий, как я его называл «камнем на дно», при котором был риск утраты до 20% выпуска и полномасштабного финансового кризиса, то по факту мы перешли в сценарий медленного погружения в омут. То есть потери ВВП оказались существенно ниже, финансовых потрясений если и не удалось избежать полностью, то они по крайней мере не настолько ошутимы.

Позитивные эффекты, которые помогли пойти по нынешнему сценарию, можно разделить на две группы. Первая заключается в прямой, а также неявной поддержке со стороны России. Она включает высвобождение определенных ниш на рынке РФ: в Москве если не благоприятствовали, то, по крайней мере, не создавали барьеров для наращивания белорусского экспорта. Очень важной стала поддержка в виде низких цен на энергоносители и восстановление нефтяной ренты, позволившие Беларуси рентабельно поставлять нефтепродукты в Россию либо через нее в другие страны. Низкая стоимость газа сыграла свою роль в ценовой конкурентоспособности на фоне того, как вся Европа в прошлом году покупала его по баснословно высоким ценам. Сюда же можно отнести прямые и косвенные денежные вливания. Это реструктуризация долгов, которая позволила сэкономить в 2022-2023 годах до 2 млрд долларов. Плюс то ли кредиты, то ли гранты на проекты по импортозамещению на 1.5 млрд долларов.

Вторую группу можно обозначить как стечение обстоятельств или везение. Она тоже отчасти связана с Россией, точнее с тем, что там смогли нарастить нефтегазовые доходы. В результате этого стал укрепляться российский рубль, что дало Беларуси возможность попасть в чрезвычайно комфортную ситуацию, когда можно было дешеветь к российскому рублю, не обесцениваясь, а даже в какие-то периоды укрепляясь к доллару. Последнее положительно влияло на финансовую стабильность внутри страны, а обесценение к российскому рублю повышало конкурентоспособность на рынке РФ. Здесь же вспоминается, что ценовой шок сразу после начала войны оказался гораздо более резким в России, чем в Беларуси. В результате сформировался

существенный разрыв в национальных уровнях цен, что в еще большей мере облегчило поставки товаров в Россию. В эту же группу я бы включил восстановительный рост мировой экономики вместе с сохранением высоких цен. Такая среда создала больше стимулов и условий для отладки новых логистических цепочек: благодаря возросшим ценам можно было себе позволить более дорогую логистику за счет более высокой маржи.

Люди ощутили на себе кризис слабее, чем экономика в целом

В первом квартале 2023 года зарплаты белорусов вернулись и даже немного превысили уровень первого квартала прошлого года. В реальном выражении они вышли на свой исторический пик. В 2022 году ситуация в меньшей степени отражалась на зарплатах, чем на ВВП: то есть спад выпуска был глубже, чем проседание среднего заработка населения. Это происходило в связи с административной поддержкой зарплат и их сглаживанием в том числе в связи с опасениями возможного проявления социального недовольства. Во второй половине года включился механизм, когда фирмы даже в ущерб себе стали поддерживать зарплаты, чтобы предотвратить отток специалистов.

За счет этого домашние хозяйства в гораздо меньшей степени ощутили на себе кризис, чем экономика в целом: зарплаты проседали не так глубоко и восстанавливались гораздо быстрее. Соответственно, как показывают [опросы](#), многие не чувствуют кризисные проявления в полной мере. Часть населения говорит о том, что их экономическое самощущение достаточно приемлемое, и имеет достаточно неплохие ожидания. Но такая картина справедлива в качестве «средней температуры по больнице».

В 2022 году продолжилось усиление разрыва между средней и медианной зарплатой, что можно рассматривать как отражение усиления неравенства доходов. Этот процесс тоже идет в Беларуси достаточно давно, примерно с 2014 года, но раньше он развивался не такими быстрыми темпами. То же самое касается географических различий. То есть в среднем зарплата вроде как восстановилась, но есть много примеров по отраслям, отдельным предприятиям или регионам, когда ее спад был существенным. Одновременно есть примеры того, что часть белорусов вообще не почувствовала кризиса.

В целом ситуация в экономике в 2022 году оказалась не такой плохой, как ожидалось год назад. Но «не настолько плохо, как могло быть» не означает хорошо. По любым экономическим критериям белорусская экономика находится в плохом состоянии. Это еще более отчетливо видно, если переключить внимание на долгосрочную перспективу.

Процесс экономической деструкции

Нынешний восстановительный рост не отменяет того, что экономика находится, как минимум, в стагнации. И более того, налицо ряд важных качественных трансформаций, которые будут лишь в еще большей мере ухудшать перспективы развития.

Первое, что бросается в глаза это усиливающееся отставание от развитого мира: и технологически, и по уровню доходов. И этот процесс приобретает характер порочного круга, усиливая сам себя. Здесь можно провести аналогию с периодом застоя 1970-х годов в СССР, который предопределил его длительное отставание по уровню доходов и технологий. Схожий процесс существенно усилился в Беларуси в 2022 году. Начался он раньше (примерно в 2012 году), стал нарастать после 2020-го, а сейчас его темпы еще более ускорились.

Важным трендом является десуверенизация экономики и переход в состояние тотальной зависимости от России. Краткосрочная динамика если не полностью, то в большой степени обусловлена мерами поддержки со стороны Москвы. Кроме указанных выше направлений, стала усиливаться инфраструктурная и технологическая зависимость: логистические цепочки, выстроенные через российские наземные маршруты и морские порты, белорусские банки, которые стали работать на российском аналоге SWIFT, подключение к автоматизированной информационной системе администрирования косвенных налогов.

На этом фоне также происходит качественное ослабление внешнеторговых и технологических связей. Если до 2022 года, особенно в частном бизнесе, шла речь о том, чтобы хоть как-то встраиваться в глобальные цепочки добавленной стоимости, адаптировать современные технологии, то сейчас это становится фактически нереальным. Началась перестройка к контуру российской экономики при отмежевании от развитого мира. Иными словами, происходит переключение фокуса сотрудничества на страны, менее продвинутые в технологическом плане. Даже не имея данных по внешней торговле, мы с высокой степенью надежности можем говорить об ухудшении качества экспортной корзины. Беларусь начала фокусироваться на более простых товарах. Это один из важных индикаторов технологического замедления и, соответственно, отставания от развитого мира.

Из важных трендов я бы также отметил архаизацию бизнес-среды. Происходит упрощение бизнес-практик и процессов, нацеленность бизнеса на выживание и планирование лишь на коротком горизонте. Переход на такие рельсы – это во многом приговор для бизнеса. А белорусские частные компании как раз были сильны тем, что ориентировались на долгосрочные задачи, тем самым обеспечивая высокую конкурентоспособность. Сам бизнес в опросах сравнивает некоторые нынешние практики с 90-

ми: доверие к контрагентам уходит, происходит архаизация регуляторной среды, внедрение позорных практик в виде параллельного импорта, несоблюдения прав интеллектуальной собственности. Это накладывает черную метку на Беларусь как площадку для экономической деятельности. Проблема эта, к сожалению, останется на длительный период, избавиться от плохой репутации будет трудно, даже если политическая ситуация резко и кардинально изменится.

Вместе с этим рассеивается шарм, связанный с наличием передовых компаний – их остается не так много. Часть таких фирм релоцировалась, часть снизила активность. Кто-то не смог уйти из-за указа, запрещающего иностранным компаниям продавать долю в белорусском бизнесе.

Одновременно происходит эрозия человеческого капитала, связанная с масштабной миграцией. Один из опросов Chatham House, проведенный среди диаспоры, [показал](#), что 25% уехавших практически наверняка не вернутся в Беларусь. В еще большей мере это касается бизнеса. Эту часть человеческого капитала можно отнести к безвозвратным потерям, что будет иметь негативные последствия для долгосрочного развития нашей экономики.

Следующий важный пункт – это финансовая изоляция, связанная с признанием S&P и Fitch Беларуси дефолтной страной, и отказом Минска выплачивать свои долги Всемирному банку и ЕБРР в валюте. Почему это важно? Глобальная интеграция в финансовом секторе относительно проста, так как он работает по относительно унифицированным правилам и пользоваться практиками, финансовыми технологиями, сотрудничать с банками развитых стран, получать оттуда финансирование оказывается не так трудно даже для проблемных стран. Беларусь, пусть и не в высокой степени, но была встроена в глобальную финансовую систему. В 2022 году это кардинально изменилось – она получила черную метку прокаженной страны. Теперь на белорусские банки и финансовые компании смотрят через другую призму. Они рассматриваются как нечто ненормальное для взаимодействия. Это еще один губительный тренд на будущее.

Долгосрочные перспективы выглядят мрачно

С долгосрочной перспективы ситуация с ВВП выглядит удручающе. На нынешний уровень ВВП белорусская экономика впервые вышла в 2011 году, потом такую же точку проходила в 2015 и 2017 годах. Если взять консервативный контрфактуальный сценарий, допустив отсутствие войны, санкций и сохранение с 2021 года вялого роста (каким он был 10 лет до этого), то сейчас у нас было бы на 10% больше выпуска, чем есть сегодня фактически. Если же взять чуть более оптимистичный контрфактуальный сценарий, если бы Беларусь с 2012 года показывала умеренный рост в среднем около 5.5% в год —

на такую траекторию развития страна вполне могла и должна была рассчитывать на основе фундаментальных факторов — у нас сегодня уровень выпуска и доходов был бы почти в два раза больше, чем тот, что есть по факту. На этом фоне обсуждение составит ли рост в 2023 году 1, 2 или 3% относительно 2022 года выглядит очень жалко. Ведь по сути обсуждается, вернемся ли в 2023 году мы к уровню ВВП 2012-го, 2014-го или в лучшем случае 2019 года. Любой из таких «успехов» — это очень сомнительный успех.